Силина Ольга Владимировна

Сотрудник отдела экскурсионно-методической работы,
Музей фресок Дионисия, филиал Кирилло-Белозерского
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
(с. Ферапонтово, Вологодская обл., Россия)
Silina.mfd@gmail.com

Silina, Olga

Researcher at the Excursion and Methodology Department,
Museum of Dionysius's Frescoes,
Branch of Kirillo-Belozersky Historical,
Architectural and Art Museum-Reserve
(Ferafontovo, Vologda Region, Russia)
Silina.mfd@gmail.com

Византийские Влахерны и Белоозеро: возможный пример сакральной топографии*

The Byzantine Blachernae and Beloozero: a Probable Example of Sacred Topography

Аннотация. В статье рассматривается возможный пример сакральной топографии: перенос константинопольских Влахерн на Белоозеро. Автор проводит иконографические и тематические параллели, сюжетов фресок Дионисия в монастырском соборе Рождества Богородицы с почитаемыми образами влахернского комплекса. В рамках топографической концепции отмечается основополагающая, знаковая роль вотчинной монастырской церкви Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне.

Ключевые слова: фрески Дионисия, константинопольские Влахерны, Положение ризы Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, акафист, сакральная топография.

* Для цитирования: Силина О.В. Византийские Влахерны и Белоозеро: возможный пример сакральной топографии // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 16–43. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-1-1

For citation: Silina, O. "The Byzantine Blachernae and Beloozero: a Probable Example of Sacred Topography." *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 1 (2020): 16–43, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-1-1>

© Силина О.В., 2020

© Silina O., 2020

Abstract. The article considers a probable example of sacred topography, which is the transfer of Blachernae of Constantinople to Beloozero. The author draws iconographic and thematic parallels between the scenes of the Dionysius's frescoes in the monastery Cathedral of the Nativity of the Virgin on the one hand, and the venerated images of the Blachernae complex, on the other. In the framework of the topographic concept, the author points out the fundamental and symbolic role of the patrimonial monastery church of the Deposition of the Honourable Robe of the Most Holy Theotokos at Blachernae.

Keywords: Dionysius's frescoes, Constantinopolitan Blachernae, Deposition of the Honourable Robe of the Most Holy Theotokos at Blachernae, Intercession of the Theotokos, akathist, sacred topography

Примеры сакральной топографии неоднократно рассматривались в научной литературе¹. Применительно к средневековой Руси и более раннему, домонгольскому периоду, особую актуальность приобрела тема обращения к византийским Влахернам. Именно они были выбраны в качестве прототипа для создания первых храмовых комплексов в Киеве². С погребальной ризой Богоматери, хранившейся во Влахернском святилище, связана традиция возведения храмов, посвященных Положению ризы Пресвятой Богородице во Влахерне.

В 1485 г. на вотчинных землях Ферапонтова монастыря (при впадении речки Бородавы в Шексну) ростовский архиепископ Иоасаф (Оболенский) строит церковь Ризоположения³. Через пять лет на месте монастырского деревянного храма Рождества Пресвятой Богородицы возводится каменный собор и, вероятно, Иоасаф приглашает для его росписи артель Дионисия (1502 г.). Ряд композиций стенописи имеют исторические (событийные) и иконографические параллели с Влахернами. В этой связи можно предположить, что собор Рождества Богородицы и Ризоположенская церковь явились на Русском Севере тем проектом, в котором была реализована идея сакральной топографии. В исследовании

¹ *Высоцкий А.М.* Церковь Богоматери Влахернской в Константинополе, ее отражения на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху // *Византийский временник=BYZANTINA XRONIKA*. – Москва: Наука. – 2005. – № 64 (89). – С. 211–224; *Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм–реликварий как константинопольский Гроб Господень // *Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства*. – Москва: Северный паломник, 2005. – С. 79–107; *Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств* / Под редакцией А.М. Лидова. – Москва: Индрик, 2009.

² *Воронин Н.Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. Т. I. XII столетие. – Москва: АН СССР, 1961. – С. 121.

³ *Бриллиантов И.И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания, 1398–1898. С приложением очерка «Патриарх Никон в заточении на Белоозере». – Санкт-Петербург: Типография А.П. Лопухина, 1898; Репринт. – Москва: Северный паломник, 2001. – С. 51.

ях, посвященных фрескам, не раз обращалось внимание на сюжеты, связанные с Влахернами, но гипотеза о том, что стенопись собора в ключевых своих композициях и циклах может в какой-то мере являться «отражением» Влахерн, не высказывалась. Актуальность рассматриваемого вопроса связана с интересом научного сообщества и любителей искусства к уникальному наследию Дионисия – единственному дошедшему до наших дней комплексу соборной росписи, ставшему общедоступным после завершения в 2012 г. реставрационных работ. С недавнего времени, иконы 1485 г. из церкви Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне экспонируются в Музее фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

Византийский храмовый комплекс Влахерн (V в.) состоял из большой церкви Богородицы, построенной между 450–453 гг. супругой императора Маркиана (450–456) Пульхерией, примыкающей к ней купольной ротонды Агия Сорос (Ἀγία Σορός) и Священной купели. Позже в комплекс вошел и императорский дворец⁴. Агия Сорос была возведена императором Львом I (457–474) для хранения ризы Богоматери, которую по легенде, пересказанной ритором и священником Феодором Синкеллом (VII век), принесли во второй половине V в. в Константинополь из Палестины братья патрикии Гальбий и Кандид⁵. В комплексе имелось несколько почитаемых образов Богоматери: «Оранта», «Агиосоритисса», «Врефократусса» – Ласкающая (Умиление), «Эпискепсис» (она же «Платитера»), «Влахернитисса»⁶, – в русском варианте Воплощение, Знамение). С церковью была связана история чуда Покрова Богоматери, описанная в Житии Андрея Юродивого (X в.), а также «пятничное» или «обычное» чудо, зафиксированное многочисленными очевидцами. Последнее заключалось в том, что с началом вечерней службы в пятницу, покров чудотворной иконы Богоматери поднимался высоко в воздух сам собою и оставался там до вечера субботы. Затем он опускался на прежнее место, прикрывая икону⁷. По мнению ряда исследователей, чудо происходило с тронным (или ростовым) образом Богоматери Ласкающей – прототипом Владимирской иконы Божией Матери⁸. Явление Бо-

⁴ Janin R. La Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Vol. 1: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique, Pt. 3: Les églises et les monastères. – Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1969. – P. 161–170; Janin R. Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique. – Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1964. – P. 123–124.

⁵ Cameron A. Continuity and Change in Sixth-century Byzantium. – London: Variorum Reprints, 1981. – P. 42–56.

⁶ Подробные описания реликвий и ссылки на источники см.: Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. – Москва: Индрик, 2005. – С. 355–359.

⁷ Анна Комнина. Алексиада. – Москва: Наука, 1965. – С. 340.

⁸ Zervou Tognazzi I. L'Iconografia e la "Vita" delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria // Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata. – 1986.

гоматери во Влахерне (Покров) и «обычное чудо» связывались с хранящейся там святыней – ризой Богоматери⁹. С этой же реликвией соотносилось и сложение Акафиста Пресвятой Богородице, текст которого русская традиция приписывает прп. Роману Сладкопевцу. Песнопение впервые прозвучало во Влахернах в 626 г. во время осады Константинополя аварами¹⁰.

Наиболее ранний пример повторения влахернского святилища встречаем в древнем Херсонесе. Текст Жития св. Мартина (†654) повествует о его погребении в церкви Богоматери Влахернской, находившейся за стенами города¹¹. В Киево-Печерском Патерике, кроме рассказа о строительстве главной церкви Печерского монастыря, речь идет еще о трех храмах, созданных по типу Влахернского: один строит в Киеве на Клове игумен Стефан, изгнанный из Печерского монастыря, второй возводит в Ростове по размерам Печерской церкви Владимир Мономах, а третий его сын Георгий «в ту же меру» строит в Суздале¹².

В появлении Успенских кафедральных храмов на Руси исследователи также усматривают влияние Влахерн¹³. В 1160 г. Андреем Боголюбским возводится во Владимире Успенский собор, куда помещается принесенный из Влахерн чудотворный образ Богоматери Врефократуссы (Умиление). На важнейшем стратегическом месте города, в Золотых Воротах, князь освящает престол в честь ризы Богоматери (1164), прямо посвятив его реликвии Влахернского храма. По всей вероятности, во Владимире уже в ранний период в число особо чтимых праздников входили дни 2 июля, 15 и 31 августа, связанные с Положением во

– Vol. 40. – Р. 274–275; *Этингоф О.Э.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 130.

⁹ *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. – С. 349–368.

¹⁰ *Лопарев Х.* Старое свидетельство о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году // Византийский временник = BYZANTINA CHRONIKA. – 1895. – Т. II. – Вып. 4. – С. 581–628.

¹¹ *Айналов Д.В.* Византийская живопись XIV столетия. – Петербург: Типография Я. Башмакова и К^о, 1917. – С. 19–24.

¹² Киево-Печерский Патерик // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945> (Дата обращения – 02.02.2017). Н.Н. Воронин показал, что эти сведения не находят полного подтверждения. См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. I. – С. 30, 37–38.

¹³ *Ильин М.А.* О наименовании Десятинной церкви // Советская археология. – 1965. – № 2. – С. 266–268; *Лихачев Д.С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / ответственный редактор Э.С. Смирнова. – Москва: Наука, 1985. – С. 17–23; *Баталов А.Л.* Строительство Московского Успенского собора и самоидентификация Руси: К истории замысла митрополита Филиппа I // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева (1897–1976) / под редакцией Л.И. Лифшица. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 353–361.

Влахернах ризы и пояса Богородицы и ее Успением¹⁴. Апотропеические свойства ризы (в моменты неприятельской угрозы ее, с молитвами о заступничестве, обращенными к Царице Небесной, несли вокруг Константинополя и погружали в воды залива), возможно, и породили традицию ставить храмы Ризоположения отдельно от главных Богородичных церквей, но в символической связи с ними.

Аналогичные примеры сакральной топографии были как в древнем Новгороде (Ризоположенская надвратная церковь в новгородском Детинце, XII в.)¹⁵, так и в других городах. Появление в 1485 г. одноименной церкви в Московском Кремле рядом с Успенским собором стало еще одним шагом в символическом переносе комплекса Влахернской церкви из Константинополя, но уже в Москву. Московская Ризоположенская церковь первоначально появилась на патриаршем дворе митрополита Ионы, где в 1451 г. он отгородил для нее досками угол. Храм был основан в честь чудесного спасения Москвы от татар, которое произошло в день праздника Положения ризы – 2 июля 1451 г. – и приписывалось заступничеству Богородицы¹⁶. Заказчиком следующей, каменной церкви выступил митрополит Геронтий.

Церковь на Бородаве была освящена через два месяца после московского храма¹⁷. Деревянная постройка уцелела и находится сейчас на территории Кирилло-Белозерского монастыря. Храмовый образ «Положение ризы и пояса Богородицы во Влахерне» (1485) исследователи относят к работе столичного мастера¹⁸. Место, выбранное Иоасафом для строительства храма, не было случайным: впадение Бородавы в приток Волги – Шексну – являлось водными воротами в земли Ферапонтова монастыря. По Волге шел древний торговый путь. Вотчинная церковь, стоящая подобно Влахернам – у воды, обеспечивала небесное покровительство Богоматери и Ее святой ризы и самой обители, и окрестным территориям.

Рассмотрим фрески собора. Традиционно программные сцены росписей и мозаик храмов располагаются на фасадах, в центральных нефах и алтарях. Главные фресковые образы Богородицы, размещенные Дионисием в соборе на восточной вертикальной оси, имеют иконографические параллели с Влахерна-

¹⁴ Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. – С. 308.

¹⁵ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией А.Н. Насонова. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. – С. 41–42.

¹⁶ Бусева-Давыдова И.Л. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. – Москва: Наука, 1997. – С. 185.

¹⁷ Попов Г.В. Церковь Ризоположения из села Бородава. – Москва: Северный паломник, 2006. – С. 14.

¹⁸ Попов Г.В. Московская икона 1485 года из села Бородавы (К изучению ведущего направления столичной живописи конца XV века) // Древнерусское искусство XV–XVI веков / Ответственный редактор В.Н. Сергеев. – Москва: Искусство, 1981. – С. 80–96.

ми (рис. 1). Композиция *Покрова Пресвятой Богородицы*, занимающая столь важное место в восприятии живописного пространства церкви, посвященной не Покрову, а Рождеству Богоматери, указывает на то, что чудо явления Богородицы, произошедшее в константинопольском храме, приобрело к началу XVI в. на Руси особую популярность и глубокий смысл (рис. 2). Культ Покрова берет свое начало от предания об Успении Богоматери, оставлении во гробе Ее риз, перенесении их в Константинополь, праздника Положения риз, создания Акафиста. Затем складывается служба на Покров, в которой происходит замена образа ризы образом Покрова, что обусловлено, по мнению М.Б. Плюхановой, потребностью в символе «с большей силой», выражающем идею Богоматери-Церкви¹⁹.

Рис. 1. Образы Пресвятой Богородицы в росписи Ферапонтова монастыря (На центральной оси собора расположены образы Пресвятой Богородицы: Панагия, Покров, Печерская. На столбах сценами Благовещения начинается цикл Акафиста Богоматери). Дионисий, 1502. Собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Источник: фото И. Хоботова

¹⁹ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – Санкт-Петербург: Акрополь, 1995. – С. 28.

Рис. 2. Покров Пресвятой Богородицы.
Дионисий, 1502. Собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря.
Источник: Фото А. Макарова

На фреске Богоматерь (Оранта) представлена стоящей на облаке и держащей большой светло-розовый покров. В нижней части композиции изображены очевидцы события: св. Андрей юродивый и его ученик Елифаний. В тексте Жития святого (X в.) описывается, что он, будучи на службе, увидел явление Божией Матери, которую сопровождали пророк Иоанн Предтеча, апостол Иоанн Богослов, а также епископы в белых ризах. Помолившись о людях в храме, Богоматерь сняла с головы омофор и простерла его над стоящими²⁰. По преданию, Ее явление во Влахернах было связано с предалтарным и алтарным пространством церкви. Именно так расположена композиция в росписи Дионисия: «висящая» над алтарем сцена дает возможность всем входящим в храм всякий раз удостаиваться видения Покрова Пречистой.

Стоящий на кафедре (в левой части композиции) св. Роман Сладкопевец (VII в.) держит свиток с частично сохранившимся текстом. Обычно, по сложившейся к XV веку иконографии, на нем писался тропарь на Рождество Христово: «Дева днесь пресущественнаго раждает...», либо зачин Акафиста Богоматери: «Взбранной воеводе победительная...». Во второй половине XV в. традиция постепенно меняется. В стенописи Дионисия у гимнографа видим иной текст – это начальные строки кондака праздника Покрова Пресвятой Богородицы:

²⁰ Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Житие Андрея Юродивого // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1880. – Т. 20. – С. 178.

Дева днесь предстоит в церкви / и с лики святых невидимо за ны молится Богу, / ангели со архиереи покланяются, / апостоли же со пророки ликовствуют: / нас бо ради молит Богородица Превечнаго Бога²¹.

Текст в этом случае иллюстрирует чудо явления Богоматери и дважды уточняется, что Богоматерь молит Бога за нас. Из текста следует, что предстояние Девы, молитва «за ны», а соответственно, чудо Покрова происходят в Ее (монастырской соборной) церкви – «днесь» (сегодня, сейчас), в настоящем времени. Так, значимые для христианского мира события, случившиеся однажды, актуализируются помимо богослужений и через визуальный образ, а потому явление Богоматери с Покровом в Ее влахернской церкви совершается в соборе Рождества Богородицы, по тексту св. Романа, «сегодня», то есть, постоянно, и имеет вневременной характер.

В контексте рассматриваемой темы представляет интерес «Слово похвально честному Покрову Пречистыя владычицы нашей Богородицы и пристнодевы Марии», созданное сербским книжником, автором Жития прп. Кирилла Белозерского Пахомием Логофетом, вероятно в 1459–1461 гг. Один из его списков находился в книжном собрании Кирилло-Белозерского монастыря и имел приписку, свидетельствующую об авторстве Пахомия «иже от Святия горы сербна» (РНБ, собрание Кирилло-Белозерской библиотеки, № 1258)²². Текст имеет ряд примечательных особенностей, в частности, повествуя о Влахернском чуде, Пахомий Логофет отмечает, что блаженный Андрей, придя в церковь

видит [использовано настоящее время – *О.С.*] преславное видѣние, видит бо теплую заступницу христианского рода в церкви на воздухъ стоящую...сице глаголющи [далее идет молитва Богоматери – *О.С.*]: “Боже мой и Творче, и Сыну! Прости всякаа согрѣшениа христианьского рода ... и мене, рабу твою и матере, любовию почитающим, и от них тебѣ ходатайствующу и молящуюся²³”.

²¹ В ферапонтовской росписи мы видим один из ранних сохранившихся примеров использования кондака Покрова, но Дионисий не был первым, кто ввел этот текст в композицию. Аналогичный кондак есть на суздальской иконе «Покров Богоматери» последней четверти XV в. из Покровского монастыря (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник) и на ее близком аналоге – вологодской иконе первой четверти XVI века (Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). В этом смысле важен сам факт замены во второй половине XV в. (если только не будет обнаружено более ранних примеров) предыдущих вариантов текста на строки праздничного кондака.

²² Федотова М.А. Вступление к «Слово Похвальное Покрову Пресвятой Богородицы» // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898> (дата обращения – 31.08. 2017).

²³ Слово похвально честному Покрову Пресвятыя Владычица нашеа Богородица и приснодѣвѣи Марии. Творение смиреннаго еромонаха Пахомия // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898> (дата обращения – 31.08. 2017).

Если созерцать образ Покрова, подобный фреске собора Рождества Богородицы, при этом слушая чтение Слова, в котором о чуде говорится в настоящем времени и звучат слова молитвы Богоматери от Ее лица, то, как уже говорилось, событие прошлого воспринимается как происходящее в реальном времени. Эта трансформация прошлого в современность (или вневременность) отчетливо проявляется в следующих призывных строках Пахомия:

...не престай своимъ честнымъ покровомъ покрывающи ... иже въ честный храмъ твой приходящих и молитвы и моления тебѣ приносящих, спасай»²⁴.

За спиной у Богородицы разворачивается панорама константинопольского влахернского комплекса. Слева видим базилику большой церкви Богородицы, а справа колонну Константина. Примыкающая когда-то к церкви ротонда Агия Сорос²⁵ приобрела в русской традиции вид многоглавого храма, ставшего общим символом Влахерн. В этом случае возникает переключка, в том числе и с архитектурой собора Рождества Богородицы (закомары, кокошники, главы), что сообщает ему не только внутреннее, но и внешнее сходство с «византийским первообразом», переработанным русской иконографией с учетом отечественных реалий²⁶.

В соборе на щеке восточной арки располагается изображение *Богоматери Панагии*²⁷ (Эпискеписис, Влахернетиссы). Данный иконографический тип имел непосредственное отношение к Влахернскому храму. Считается, что икона находилась в Священной купели. Список с нее, принесенный в Новгород, спас город от захвата суздальцами в 1170 г. Но, по мнению исследователей, только с конца XV–XVI в. подобный извод стал именоваться на Руси «Знамением» и «Воплощением»²⁸.

²⁴ Слово похвально честному Покрову Пресвятыя Владычица нашеа Богородица и приснодѣвѣи Марии. Творение смиреннаго еромонаха Пахомия // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898> (дата обращения – 31.08. 2017).

²⁵ В 1434 году влахернская церковь сгорела, и, вероятно, гибель храма отчасти способствовала тому, что русская иконография перестала отображать константинопольские реалии.

²⁶ См. подробнее: *Силина О.В.* «Дева днесь предстоит в церкви». Композиция «Покров Богородицы» в стенописи собора Ферапонтова монастыря // XXIII Научные чтения памяти И. П. Болотцевой / Редактор А.С. Преображенский. – Ярославль: ЯХМ, 2019. – С. 30–40.

²⁷ См. подробнее: *Силина О.* Фреска «Богоматерь „Воплощение“ с архангелами» в стенописи 1502 года соборной церкви Ферапонтова монастыря // Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация: Материалы III Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2018 г. / Редактор Ю.Г. Бобров; Институт им. И.Е. Репина. – Санкт-Петербург: Чистый лист, 2019. – С. 263–269.

²⁸ См. подробнее: *Смирнова Э.С.* Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство: Балканы. Русь. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 288–309.

К IX веку во Влахернской церкви сложилась традиция еженедельного исполнения Великого Акафиста²⁹. Цикл *Акафиста Богоматери* в стенописи Дионисия идет четырьмя кругами, состоящими из 25-х композиций в соответствии с икосами и кондаками, являясь самым ранним сохранившимся примером в стенописях Руси. В сцене четвертого Благовещения (Кондак 3), сидящая на троне Дева Мария представлена в образе Великой Панагии Влахернетиссы (с воплотившимся Младенцем на груди). Этот извод, не получивший распространения в русской иконографии, был хорошо известен в Византии³⁰.

С позиции отражения Влахерн может быть рассмотрена фреска с изображением *Богоматери Печерской* в варианте с коленопреклоненными архангелами (конха центральной апсиды) и Ее же тронный образ, находившийся когда-то над погребением преп. Мартиниана (южный фасад собора Рождества Богородицы)³¹. Появление извода Богоматери Печерской на Руси исследователи связывают с принесением в XI в. из Влахерн образа Богоматери Кипрской (списка с иконы или копии с мозаики) для новой церкви Киево-Печерского монастыря, что нашло отражение в тексте монастырского патерика³².

Как упоминалось выше, вероятно с Врефократуссой (Ласкающей, Умиление) было связано «обычное» чудо, происходящее во Влахернской церкви. Образ Богоматери Владимирской встречается в сюжетах положения Ризы Богоматери³³. Икона находилась в южной части влахернской церкви и имела, по всей вероятности, пурпурный покров, украшенный драгоценными приношениями³⁴. Размещение чудотворной иконы *Богоматери Владимирской* в иконостасе ферапонтовского собора (в его южном компартименте) можно считать совпадением, но можно рассматривать и как программное решение. О ней читаем в первой

²⁹ См. подробнее: *Карабинов И.* Постная Триодь: исторический обзор ее плана, состава, редакции и славянских переводов. – Санкт-Петербург: Типография В. Смирнова, 1910. – С. 38–50.

³⁰ Фронтально развернутой мы видим Ее на фреске апсиды церкви Богоматери в Студенице (1209). См.: *Этингоф О.Э.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – Ил. 100.

³¹ Богоматерью Печерской фресковый образ назван в монастырской Описи первой четверти XVIII века. Впервые это обнаружил М.Г. Малкин. См.: *Малкин М.Г.* Некоторые элементы наружной росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря и их связи с интерьером // *Ферапонтовский сборник*. – Москва: ВНИИР, 1985. – Вып. I. – С. 177–178.

³² Киево-Печерский Патерик // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945> (дата обращения – 02.02.2017).

³³ Самый ранний пример включения иконы Богоматери Владимирской с алой орнаментированной подвесной пеленой в композицию положения ризы представлен на иконе «Положение ризы Богоматери» второй половины XVI в. из собора Ризоположенского монастыря в Суздале. См.: *Преображенский А.А.* Положение ризы Богоматери // *Иконы Владимира и Суздала. Каталог*. – Москва: Северный паломник, 2008. – С. 271–273. – Кат. № 47.

³⁴ *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. – Москва: Индрик, 2005. – С. 363–366.

сохранившейся монастырской Описи 1665 г. Это была последняя икона местного ряда, имеющая драгоценные привесы и алую шитую серебром и золотом пелену³⁵. Перечисление только ее крупных даров свидетельствует, что икона могла быть достаточно древней. В связи с этим можно констатировать, что в соборе имелся «аналог» влахернской святыни, и его репрезентация, в какой-то степени, перекликалась с византийским прототипом.

Итак, отражение темы Влахерн в Ферапонтовом монастыре помимо сакральной топографии еще и в стенописи, по-видимому, соответствовало духу времени, воззрениям Иоасафа Оболенского, политике Великого князя Ивана III и его вниманию к наследию Византии, интерес к которому предполагал не только продолжение традиции, но и дальнейшее ее развитие. В Ферапонтовом монастыре идейным вдохновителем (и консультантом) подобного проекта мог быть опальный Киевский митрополит Спиридон, рукоположенный в Константинополе и знакомый с его святынями и преданиями о них. В администрации патриарха Константинопольского Спиридон имел должность заведующего патриаршей ризницей при кафедре Всеблаженной церкви Богородицы³⁶. Авторские тексты владыки изобилуют грецизмами, которые не были для Спиридона случайностью или внешним влиянием. Они манифестировали и подкрепляли его цареградскую, греческую ориентацию³⁷.

Возможно, на начальном этапе концепция «переноса» Влахерн на Белоозеро не была столь явной, но в стенописи Дионисия получила убедительное воплощение. На сегодняшний день она является самой ранней и наиболее полно проявленной среди сохранившихся русских памятников монументальной живопи-

³⁵ «Образ, местной, Пречистые Богородицы Умиление, болшая пядница, в киоте, обложена серебром басменым золочена, венец складной, весь золот, около венца низано жемчугом, и гривна золотая гладкая. А около ево низано жемчугом, да девят копеек золоченых. Да привесу: крест камень аспид, обложен серебром, во главе бирюза; да икона невелика Распятие Христово, обложена серебром; образ Михаила архангела, резь на камени перелефте, обложен золотом, а около восьмь жемчужков, а позади образ Георгия Христова мученика; камень хрусталь, обложен серебром, во главе Спасов образ, обложен серебром же; икона невелика Господь Еммануил, обложен серебром; крест серебрян тощ, со главой. У тово ж образа пелена по алой камке образ Пречистые Богородицы золотом и серебром, а около пелены вышито Владычице прими». См.: Опись Ферапонтова монастыря, июль 1665 года // Государственный архив Вологодской области (ГАВО) – Ф. 883 (Собрание Н.И. Суворова), – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 3 об. – 4.

³⁶ Турилов А.А. Забытое сочинение митрополита Саввы-Спиридона литовского периода его творчества // Славяне и их соседи. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. – Москва: Наука, 1999. – Вып. 7. – С. 127.

³⁷ Ульяновский В.И. Митрополит Киевский Спиридон: явные и скрытые повествования о себе в сочинениях 1475–1503 гг. // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=xuU9RIPP4J4%3D&tabid=5957> (дата обращения – 28.02.2017)

си. Рассмотренные композиции фресок имеют событийные и иконографические параллели с константинопольской церковью. Избранные сцены, взятые в совокупности, несут не просто информацию об известном храмовом комплексе, они отражают сущностные характеристики Влахерн, их метафизику, но так, как видели и понимали Влахерны из московской Руси в 1502 году авторы программы стенописи ферапонтовского собора.

Examples of sacred topography have been repeatedly considered in scientific literature.¹ In relation to medieval Russia and the earlier, pre-Mongol, period the theme addressing Byzantine Blachernae became particularly relevant. The Blachernae churches were chosen as a prototype for the first church complexes in Kiev.² The tradition of erecting churches dedicated to the Deposition of the Honourable Robe of the Most Holy Theotokos at Blachernae is associated with the Sacred Robe of the Mother of God kept at the Blachernae Sanctuary.

In 1485, on the lands of the Ferapontov Monastery (at the confluence of the Borodava River and the Sheksna River), the Rostov Archbishop Joasaph (Obolensky) built the Church of the Deposition of the Holy Robe.³ Five years later, on the site of the wooden monastery church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary, a stone cathedral was built and Joasaph must have invited the artel of Dionysius (1502) to paint it. A number of mural compositions have historical (connected with historical events)

¹ A.M. Vysotskii, "The Church of the Mother of God at Blachernae in Constantinople, its Reflections in Old Russia, and Architecture Contacts between Byzantium and Russia before the Mongol Invasion" [in Russian], *Vizantiiskii vremennik=BYZANTINA XPONIKA*, vol. 64 (89) (2005): 211–24; A.M. Lidov, "The Theotokos of the Pharos. The Imperial church-reliquary as Constantinopolitan Holy Sepulchre" [in Russian], in *Byzantine World: Constantinopolitan Art and National Traditions. To the 2000th Anniversary of Christianity*, ed. M.A. Orlov (Moscow: Severnyi Palomnik, 2005), 79–107; A.M. Lidov, ed., *New Jerusalems. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2009).

² N.N. Voronin, *Architecture of North-Eastern Russia of the 12th – 15th Centuries*, vol. 1, *The 12th Century* [in Russian] (Moscow: AN SSSR, 1961), 121.

³ I.I. Brilliantov, *Ferapontov Belozersky Monastery, now abolished, the place of confinement of Patriarch Nikon. For the 500th anniversary of its foundation, 1398–1898. With the enclosed essay 'Patriarch Nikon in confinement in Beloozero'* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1898; Reprint: Moscow: Severnyi Palomnik, 2001), 51.

and iconographic parallels with Blachernae. In this regard, we can assume that in the Russian North, the Cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin Mary and the Church of the Deposition of the Holy Robe embodied the project that implemented the idea of sacred topography. The studies of the frescoes have repeatedly drawn attention to the subject matter related to Blachernae, but the hypothesis that the mural painting of the cathedral in its key compositions and cycles may to some extent be a reflection of Blachernae has not been expressed so far. The relevance of the issue under consideration is related to the interest of the scientific community and art lovers in the unique heritage of Dionysius, the only extant complex of cathedral paintings that became open to public after the completion of restoration works in 2012. Since recently, the icons dated 1485 from the Church of the Deposition of the Honourable Robe of the Most Holy Theotokos at Blachernae have been exhibited at the Museum of Frescoes of Dionysius in the Ferapontov Monastery.

The Byzantine religious complex of Blachernae (5th century) consisted of the large Church of Saint Mary, built between 450 and 453 by the wife of the Emperor Marcian (450–456) Pulcheria, the adjacent domed Chapel of the reliquary, *Ayía Sorós*, (Ἀγία Σορός) and the Sacred Bath. Later, the Imperial palace was also added to the complex.⁴ *Ayía Sorós* was erected by Emperor Leo I (457–474) to store the Robe of the Holy Virgin, which, according to the legend retold by the rhetorician and priest Theodoros Syncellos (7th century), was brought by the brothers Galbuis and Candidus, patricians, to Constantinople from Palestine in the second half of the 5th century.⁵ In the complex there were several revered images of the Theotokos: Oranta, Agiosoritissa, Vrefokratusa (Eleusa or Tender Mercy), Episkepsis (or Platyτέρα or Blachernitissa),⁶ Our Lady of Incarnation or our Lady of the Sign in the Russian version). The story of the miracle of the Intercession of the Holy Virgin, described in the Life of Andrew of Constantinople (10th century), as well as the “Friday” or “ordinary” miracle recorded by numerous eyewitnesses, was associated with the church. The latter was that with the beginning of the evening service on Friday, the veil of the miraculous icon of the Holy Virgin rose high in the air by itself and remained in this position until Saturday evening. Then the veil returned to its former place to cover the icon.⁷ According to some researchers, the miracle happened to the throne (full height)

⁴ R. Janin, “Les églises et les monastères,” in *La Géographie ecclésiastique de l’Empire Byzantin*, vol. 1, *Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique* (Paris: Institut Français d’Etudes Byzantines, 1969), 161–70; R. Janin, *Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique* (Paris: Institut Français d’Etudes Byzantines, 1964), 123–24.

⁵ A. Cameron, *Continuity and Change in Sixth-century Byzantium* (London: Variorum Reprints, 1981), 42–56.

⁶ For detailed descriptions of relics and references to the sources, see I.A. Shalina, *Relics in Eastern Christian Iconography* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2005), 355–59.

⁷ Anna Comnena, *Alexiad* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1965), 340.

image of Our Lady of Tenderness, the prototype of the Vladimir Icon of the Mother of God.⁸ The apparition of the Mother of God in Blachernae (the Intercession of the Holy Virgin) and the “ordinary miracle” were associated with the sacred object stored there, the Robe of the Most Holy Theotokos.⁹ The Akathist Hymn to the Blessed Virgin Mary, the text of which was ascribed by the Russian tradition to Saint Romanos the Melodist, was also connected with the same relic. The hymn was first performed in Blachernae in 626 during the Siege of Constantinople by Avars.¹⁰

The earliest example of replicating the Blachernae sanctuary is found in ancient Chersonesos. The text of the Life of St. Martin of Tours († 654) tells us about his burial in the Sorós in the Church of Our Lady of Blachernae located outside the city walls.¹¹ In addition to the story about the construction of the main church of the Pechersky monastery, Kiev-Pechersk Paterikon also mentions three more churches of the Blachernae type: one was built in Kiev in Klov by the hegumen Stephen expelled from the Pechersky Monastery; the second one was built in Rostov by Vladimir Monomakh according to the dimensions of the Pechersk church, and the third one was built by his son George (Yuri) “*v tu zhe meru [in that same measure]*” in Suzdal.¹²

In the appearance of the Assumption cathedrals in Russia, researchers also perceive the influence of Blachernae.¹³ In 1160, the Assumption Cathedral was erected

⁸ I. Zervou Tognazzi, “L’Iconografia e la ‘Vita’ delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria,” *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, vol. 40 (1986): 274–75; O.E. Etingof, *The Image of Our Lady. Essays on Byzantine Iconography of the 11th – 13th Centuries* [in Russian] (Moscow: Progress-Traditsiya, 2000), 130.

⁹ Shalina, *Relics in Eastern Christian Iconography*, 349–68.

¹⁰ Kh. Loparev, “The old Testimony of Deposition of the Robe of our Most Holy Lady the Theotokos at Blachernae in a New Interpretation with Reference to the Rus-Byzantine War in 860” [in Russian], *Vizantiiskii vremennik=BYZANTINA XPONIKA*, vol. 2, no. 4 (1895): 581–628.

¹¹ D.V. Ainalov, *Byzantine Painting of the 14th Century* [in Russian] (Petersburg: Tipografiya Ya. Bashmakova i K^o, 1917), 19–24.

¹² *Kiev-Pechersk Paterikon* [in Russian], Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, accessed February 2. 2017, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945>. N.N. Voronin indicated that this information is not fully confirmed. See Voronin, *Architecture of North-Eastern Russia*, vol. 1, 30, 37–38.

¹³ M.A. Il’in, “On the Name of the Church of the Tithes” [in Russian], *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2 (1965): 266–68; D.S. Likhachev, “The City-protective Semantics of the Assumption Churches in Russia” [in Russian], in *The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and Research*, ed. E.S. Smirnova (Moscow: Nauka, 1985), 17–23; A.L. Batalov, “Construction of the Moscow Assumption Cathedral and Self-Identification of Russia: On the History of the Intention of Metropolitan Philip I” [in Russian], in *Old Russian Art. Byzantium, Russia, Western Europe: Art and Culture. Collection of Articles Dedicated to the 100th Anniversary of V.N. Lazarev (1897–1976)*, ed. L.I. Lifshits (St Petersburg: Dmitrii Bulanin), 353–61.

by Andrew Bogolubsky in Vladimir, where the miracle-working image of the Mother of God Eleusa (Tender Mercy) brought from Blachernae was placed. The Prince consecrated the Holy throne in honour of the Robe of the Most Holy Theotokos (1164), which was located at the most important strategic site of the city, the Golden Gate, directly dedicating it to the relic of the Blachernae church. In all likelihood, the most revered holidays in Vladimir in the early period included the days of July 2, August 15 and August 31, which were associated with the Deposition of the Holy Robe and the Holy Belt of the Mother of God in Blachernae and with her Assumption.¹⁴ The apotropaic effect of the Holy Robe and the Holy Belt of the Mother of God (at the times of the enemy threat, the Robe was carried around Constantinople and put in the waters of the gulf with prayers for the Intercession addressed to the Queen of Heaven) may have generated the tradition of building churches of the Deposition of the Holy Robe separately from the main churches of the Mother of God, but in symbolic connection with them.

Similar examples of sacred topography were found in Ancient Novgorod (The Gateway Church of the Deposition of the Robe (*Rizopolozhenskaya* church) in Novgorod Detinets [citadel], 12th century)¹⁵ and in other cities. The appearance of the church of the same name in the Moscow Kremlin near the Assumption Cathedral in 1485 was another step in the symbolic transfer of the Blachernae church complex from Constantinople, but this time to Moscow. The Moscow Church of the Deposition of the Robe originally appeared on the patriarchal court of Metropolitan Jonah, where in 1451 he fenced off a corner for it with planks. The church was founded in honour of the miraculous salvation of Moscow from Tatars, which occurred on the day of the feast of the Deposition of the Holy Robe, on July 2 (1451), and was therefore explained by the Intercession of the Virgin.¹⁶ The ordering customer of the later stone church was Gerontius, Metropolitan of Moscow.

The church in the village of Borodava was consecrated two months later than the church in Moscow.¹⁷ The wooden building has survived and is now located in the territory of the Kirillo-Belozersky Monastery. Researchers ascribe the church image “the Deposition of the Holy Robe and the Holy Belt of the Mother of God at Bla-

¹⁴ Shalina, *Relics in Eastern Christian Iconography*, 308.

¹⁵ *The First Novgorod Chronicle of the Older and the Younger Versions* [in Russian], ed. A.N. Nasonov (Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1950), 41–42.

¹⁶ I.L. Buseva-Davydova, *The Churches of the Moscow Kremlin: Shrines and Antiquities* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1997), 185.

¹⁷ G.V. Popov, *The Church of Laying Our Lady's Holy Robe from the Village of Borodava* [in Russian] (Moscow: Severnyi Palomnik, 2006), 14.

chernae” (1485) to a master from the capital.¹⁸ The site chosen by Joasaph for the construction of the church was not accidental, as the confluence of the Borodava River and the Sheksna River, a tributary of the Volga, was the water gate to the lands of the Ferapontov Monastery. An ancient trade route went along the Volga. The patrimonial church that stood by the water like Byzantine Blachernae churches provided the Holy Protection by the Mother of God and by Her Holy Robe both for the monastery itself and for the surrounding territories.

Let us consider the frescoes of the cathedral. Traditionally, the programme scenes of church murals and mosaics are located on the facades, in the central naves and altars. The main fresco images of the Holy Virgin, placed by Dionysius on the eastern vertical axis of the cathedral, have iconographic parallels with Blachernae (Fig. 1). The composition of the Intercession of the Mother of God, which occupies such an important place in the perception of the pictorial space of the church that is dedicated not to the Intercession, but to the Nativity of the Virgin, indicates that the miracle of Her apparition at the Constantinopolitan church had acquired special popularity and deep meaning by the beginning of the 16th century in Russia (Fig. 2). The cult of the Intercession originates from the holy tradition of the Assumption of the Mother of God, the abandonment of Her Holy Robe in the tomb, its transfer to Constantinople, the feast of the Deposition of the Holy Robe, and the creation of the Akathist Hymn. Then the service for the Intercession was created and the image of the Holy Robe was replaced in it by the image of the Protecting Veil of the Mother of God, which, according to M. Plyukhanova, happened because of the need for the symbol “of greater power,” expressing the idea of the Church being the Mother of God.¹⁹

¹⁸ G.V. Popov, “The Moscow Icon of 1485 from the Village of Borodava (On the Study of the Leading Trend in the Metropolitan Painting at the End of the 15th Century)” [in Russian], in *Old Russian Art of the 15th – 16th Centuries*, ed. V.N. Sergeev (Moscow: Iskusstvo, 1981), 80–96.

¹⁹ M.B. Plyukhanova, *Stories and Symbols of the Tsardom of Muscovy* [in Russian] (St Petersburg: Akropol', 1995), 28.

Fig. 1. Images of the Holy Mother of God in the paintings of the Ferapontov Monastery
(On the central axis of the cathedral there are the images of the Most Holy Theotokos:
Panagia Portaitissa, the Intercession of the Theotokos, the Pechersk Mother of God.
On the pillars, the Akathist Hymn begins with the scenes of the Annunciation)
Dionysius, 1502. Cathedral of the Nativity of the Virgin of the Ferapontov Monastery.
Source: photo by I. Khobotov

Fig. 2. The Intercession of the Theotokos
Dionysius, 1502. The Cathedral of Nativity of the Virgin of the Ferapontov Monastery.
Source: Photo by A. Makarov

On the fresco, the Holy Virgin (Oranta) is depicted standing on a cloud and holding a large light pink veil. At the bottom of the composition there are eyewitnesses of the event: St. Andrew the Fool-for-Christ and his disciple Epiphanius. The text of the *Life of the Saint* (10th century) says that during the service he saw the apparition of the Mother of God who was accompanied by the prophet John the Precursor, the apostle John the Theologian, and bishops in white robes. On praying for the people in the church, the Mother of God removed the omophorion from her head and spread it over the people standing there.²⁰ Legend has it that Her apparition in Blachernae was associated with the prealtar and altar space of the church. This is exactly how the composition in the painting by Dionysius is arranged: “hanging” above the altar, the scene makes it possible for everyone entering the church to be rewarded with the vision of the Intercession of the Most Holy Virgin.

St. Romanos the Melodist (7th century), standing at the pulpit (on the left side of the composition) holds a scroll with partially preserved text. According to the iconography that had taken shape by the 15th century, usually the troparion for the Nativity

²⁰ I.I. Sreznevskii, “Information and Notes on Little-known and Unknown Monuments. Life of Andrew of Constantinople, the Fool-for-Christ” [in Russian], *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 20, pt. 4 (1880): 178.

of Christ was written in it: “*Deva dnes' presushchestvennago razhdaet...* [Today the Virgin gives birth to the Transcendent One...]” or the beginning of the Akathist to the Mother of God: “*Vzbrannoi voevode pobeditel'naya...* [To Thee, the Champion Leader...]”. In the second half of the 15th century, the tradition was gradually changing. In the murals of Dionysius we can see a different text by the hymnographer, the first lines of the kontakion for the feast of the Intercession of the Holy Virgin:

Deva dnes' predstoit v tserkvi / i s liki syatykh nevidimo za ny molitsya Bogu, / angeli so arkhieriei poklanyayutsya, / apostoli zhe so proroki likovstvuyut: / nas bo radi molit Bogoroditsa Prevechnago Boga [Today the Virgin stands in the midst of the Church, and with choirs of Saints she invisibly prays to God for us. Angels and Bishops venerate Her, Apostles and prophets rejoice together, Since for our sake she prays to the Eternal God].²¹

In this case, the text illustrates the miracle of the appearance of the Mother of God and mentions twice that the Mother of God prays to God for us. It follows from the text that the Virgin is praying “*za ny* [for us]” and, therefore, the miracle of the Intercession occurs in Her (the monastery cathedral) church, and “*dnes'* [today, now],” at the present moment. Thus, the significant for Christianity events that happened once, in addition to church service, are also actualized through the visual image, and therefore the appearance of the Mother of God with the Veil in Her Blachernae Church takes place in the Cathedral of the Nativity of the Virgin, according to the text of St. Romanos the Melodist, “today,” that is constantly and on the timeless basis.

In the context of the subject under discussion, what is also worth mentioning is *Slovo Pokhval'noe Pokrovu Presvyatoi Bogoroditsy* [The Commendable word to the Intercession of the Most Holy Mother of God] created by the Serbian hagiographer Pachomius Logothetes, the author of the Life of St. Kirill Belozersky, probably in 1459–61. One of the copies was in the book collection of the Kirillo-Belozersky Monastery and had a postscript testifying to the authorship of Pachomius “*izhe ot Svyatiya gory serbna* [from the Holy Mountain of Serbna]” (RNB [The National Library of Russia], *sobranie Kirillo-Belozerskoi biblioteki* [collection of the Kirillo-

²¹ In the Ferapontov iconography, we can see one of the earliest surviving examples of the use of the Kontakion on the Intercession, but Dionysius was not the first to introduce this text into the composition. A similar kontakion is found in the Suzdal icon of the Intercession of the Holy Virgin of the last quarter of the 15th century from the Pokrovsky Monastery (Vladimir-Suzdal Museum-Reserve) and in its counterpart, the Vologda icon of the first quarter of the 16th century (Vologda State Historical Architectural Art Museum-Reserve). What is important here in this sense is the very fact of changing the previous text variations into the lines of the holiday kontakion in the second half of the 15th century (unless earlier examples are found).

Belozerskii library], no. 1258).²² The text has a number of noteworthy features. Particularly, describing the Blachernae miracle, Pachomius Logothetes notes that on entering the church, blessed St. Andrew

vidit [the present tense is used – O.S.] *preslavnoe videnie, vidit bo tepluyu zastupnitsyu khristianskogo roda v tserkvi na vozduse stoyashchyu... sitse glagolyushchi* [then follows the prayer the Mother of God is saying. – O.S.]: ‘*Bozhe moi i Tvorche, i Synu! Prosti vsyakaia sogreshenia khristian'skogo roda ... i mene, rabu tvoyu i matere, lyuboviyu pochitayushchim, i ot nikh tebe khodataistvuyushchu i molyashchusya*’ [‘My Lord, the Maker and the Son! Pardon every transgression of the Chirstian folk . . . and me, Thy servant and Thy Mother, revered with love, interceding and praying for them’].²³

If you contemplate the image of the Intercession, similar to the fresco of the Cathedral of the Nativity of the Holy Virgin, while listening to the reading of “The Commendable Word,” in which the miracle is described in the present tense and the words of the prayer of the Mother of God are heard on Her behalf, as it was mentioned above, the event of the past is perceived as happening in real time. This transformation of the past into the present (or timelessness) is clearly manifested in the following engaging lines of Pachomius:

... ne prestai svoim chestnym pokrovom pokryvayushchi ... izhe v chestnyi khram tvoi prikhodyashchikh i molitvy i molenia tebe prinosyashchikh, spasai.” [. . . with thy radiant veil . . . save us who have recourse to thee, for in thee do we place our trust].²⁴

The panorama of the Blachernae complex of Constantinople unfolds behind the back of the Holy Virgin. On the left we can see the basilica of the Grand Church of the Holy Virgin, and on the right there is the column of Constantine. *Ayía Sorós*, once adjacent to the rotunda church, in the Russian tradition acquired the appearance of a

²² M.A. Fedotova, “Introduction” [in Russian], *The Commendable Word to the Intercession of the Most Holy Mother of God*, Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, accessed August 31, 2017, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898>.

²³ *Slovo pokhval'no chestnomu Pokrovu Presvyatya Vladychitsa nashea Bogoroditsa i prisnodevei Marii. Tvorenje smirenago eromonakha Pakhomia* [The Commendable Word to the Intercession of Our Lady, the Holy Virgin Mary. Creation of the humble hieromonk Pachomius], Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, accessed August 31, 2017, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898>.

²⁴ *Slovo pokhval'no chestnomu Pokrovu Presvyatya Vladychitsa nashea Bogoroditsa i prisnodevei Marii. Tvorenje smirenago eromonakha Pakhomia* [The Commendable Word to the Intercession of Our Lady, the Holy Virgin Mary. Creation of the humble hieromonk Pachomius], Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, accessed August 31, 2017, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898>.

many-domed church, which became the common symbol of Blachernae.²⁵ In this case, there is also a connection with the architecture of the Cathedral of the Nativity of the Virgin (*zakomary* [blind arches], *kokoshniki* [corbel arches], *glavy* [cupolas]), which indicates not only the internal, but also the external resemblance to the Byzantine prototype, revised by Russian iconography taking into account the domestic realia.²⁶

On the eastern arch of the cathedral, there is an image of *Theotokos Platyτέρα* (Episkepsis, Blachernitissa).²⁷ This iconographic type was directly related to the Blachernae church. The icon is believed to have been in the Sacred Bath of the complex. Having been brought to Novgorod, the copy of this icon saved the city in 1170 from Suzdal warriors. However, according to researchers, only in the late 15th – 16th centuries, this iconographic version began to be called in Russia the Icon of the Mother of God of the Sign or of the Incarnation.²⁸

By the 9th century, the tradition of weekly performance of the Great Akathist had been established in the Blachernae Church.²⁹ The cycle of *the Akathist to the Holy Virgin* in the mural paintings of Dionysius can be seen in four circles, consisting of 25 compositions in accordance with the ikoses and the kontakions, being the earliest extant example in Russian murals. In the scene of the fourth Annunciation (kontakion 3), the Virgin Mary sitting on the throne is represented in the image of the Great Platyτέρα Blachernitissa (with the incarnate Divine Infant in Her arms). Not widely used in Russian iconography, this image was well known in Byzantium.³⁰

In terms of the reflection of Blachernae, we can consider the fresco depicting *the Pechersk Mother of God* in the version with kneeling archangels (the conch of the

²⁵ In 1434, the Blachernae church burned down and probably the destruction of the church partly contributed to the fact that Russian iconography ceased to depict Constantinople realia.

²⁶ For more, see O.V. Silina, “‘Deva dnes’ predstoit v tserkvi’. Composition ‘The Intercession of the Virgin’ in the Mural Painting of the Cathedral of the Ferapontov Monastery” [in Russian], in *The 23rd Scientific Readings in Memory of I.P. Bolottseva, Yaroslavl, March 16–18, 2018*, ed. A.S. Preobrazhenskii (Yaroslavl: Yaroslavskii khudozhestvennyi muzei, 2019), 30–40.

²⁷ For more, see O.V. Silina, “The fresco ‘Our Lady of the Incarnation with the Archangels’ in the Mural Painting of 1502 of the Cathedral Church of the Ferapontov Monastery” [in Russian], in *Preservation of the Monuments of Fine Arts and Culture. Research and Restoration: Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference: St. Petersburg, November 16–19, 2018*, ed. Yu.G. Bobrov (St Petersburg: Chisty list, 2019), 263–69.

²⁸ For more, see E.S. Smirnova, “The Novgorod Icon ‘Our Lady of the Sign’: Some Issues of Deiparous Iconography of the 12th Century” [in Russian], in *Old Russian Art: Balkans. Rus’*, ed. A.I. Komech, O.E. Etingof (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995), 288–309.

²⁹ For more, see I. Karabinov, *The Lenten Triodion: A Historical Review of its Outline, Composition, Edition and Slavic Translations* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Smirnova, 1910), 38–50.

³⁰ We can see Her front-face in the fresco on the apse of the Church of Our Lady in Studenitsa (1209). See Etingof, *The Image of Our Lady*, fig. 100.

central apse) and Her throne image, which was formerly situated above the burial site of St. Martynian Belozersky (the south facade of the Cathedral of the Nativity of the Holy Virgin).³¹ The researchers associate the iconographic version of depiction of the Pechersk Mother of God in Russia with the delivery of the image of the Mother of God of Cyprus from Blachernae in the 11th century (a copy of the original icon or a copy from the mosaic) for the new church of the Kiev-Pechersk Monastery, which was mentioned in the text of the monastery paterikon.³²

As it was mentioned above, the “ordinary” miracle in the Blachernae church was probably associated with Vrefokratusa (the Virgin of Loving Kindness, or Tender Mercy). The image of Our Lady of Vladimir can be seen in the scenes of the Deposition of the Robe of the Mother of God.³³ The icon was situated in the southern part of the Blachernae church and, in all likelihood, had a purple veil adorned with precious offerings.³⁴ The placement of the miracle-working icon of *Our Lady of Vladimir* in the iconostasis of the Ferapontov Cathedral (in its southern compartment) can be considered a coincidence, but it can also be considered as an intended decision. We can read about this icon in the first surviving monastic Inventory of 1665. It was the last icon in the Local tier and had precious gains and a scarlet veil embroidered with silver and gold.³⁵ The list of its large offering alone indicates that the icon could be

³¹ The fresco image is referred to as the Kiev-Pechersk Mother of God in the monastic Inventory of the first quarter of the 18th century. This fact was first discovered by M.G. Malkin. See M.G. Malkin, “Some Elements of the Exterior Paintings of the Virgin Nativity Cathedral of the Ferapontov Monastery and their Connection with the Interior” [in Russian], in *Ferapontov Collection*, iss. 1 (Moscow: VNIIR, 1985), 177–78.

³² *Kiev-Pechersk Paterikon* [in Russian], Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, accessed February 2. 2017, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945>.

³³ The earliest example of the inclusion of the icon of Our Lady of Vladimir with a scarlet ornamented hanging sheet in the composition of the Deposition of the Robe is presented in the icon “Deposition of the Robe of the Mother of God” of the second half of the 16th century from the Deposition of the Robe (*Rizopolozhensky*) Cathedral of the Rizopolozhensky Monastery in Suzdal. See A.A. Preobrazhenskii, “The Deposition of the Robe of the Mother of God” [in Russian], in *Icons of Vladimir and Suzdal. A Catalog* (Moscow: Severnyi Palomnik, 2008), 271–73, cat. no. 47.

³⁴ Shalina, *Relics in Eastern Christian Iconography*, 363–66.

³⁵ “*Obraz, mestnoi, Prechistye Bogoroditsy Umilenie, bolshaya pyadnitsa, v kiote, oblozhena serebrom basmenym zolochena, venets skladnoi, ves' zolot, okolo ventsa nizano zhemchyugom, i grivna zolotaya glatkaya. A okolo evo nizano zhemchyugom, da devyat kopeek zolochenykh. Da privesu: krest kamen' aspid, oblozhen serebrom, vo glave biryuza; da ikona nevelika Raspyatie Khristovo, oblozhena serebrom; obraz Mikhaila arkhangela, rez' na kameni perelefte, oblozhen zolotom, a okolo vosm' zhemchyuzhkov, a pozadi obraz Georgiya Khristova muchenika; kamen' khrustal', oblozhen serebrom, vo glave Spasov obraz, oblozhen serebrom zhe; ikona nevelika Gospod' Emmanuil, oblozhen serebrom; krest serebryan toshch', so glavoi. U tovo zh obraza pelena po aloi kamke obraz Prechistye Bogoroditsy zolotom i serebrom, a okolo peleny vyshito Vladychitse*

quite ancient. In this regard, it can be stated that the cathedral had an analogue of the Blachernae relic, and, to some extent, its representation echoed the Byzantine prototype.

Thus, the reflection of the Blachernae theme not only in the sacred topography, but also in the mural paintings of the Ferapontov Monastery apparently corresponded to the spirit of the times, the views of Archbishop Joasaph Obolensky, the policy of the Grand Prince of Moscow Ivan III of Russia and his attention to the Byzantine heritage, the interest in which implied both the continuation of the tradition and its further development. In the Ferapontov Monastery, the disgraced Metropolitan of Kiev Spiridon, ordained in Constantinople and familiar with the shrines of the city and the tradition connected with them, could act as an ideological inspirer (and a consultant) of such a project. In the administration of the patriarch of Constantinople, Spiridon was the head of the patriarchal sacristy at the All-Blessed Church of the Holy Virgin.³⁶ The author's texts are rich in words of Greek origin, which for Spiridon was neither accidental nor the result of external influence. They manifested and reinforced his Constantinopolitan, Greek orientation.³⁷

Perhaps, at the initial stage, the concept of transferring the Blachernae traditions to Beloozero was not obvious, but in the murals of Dionysius, it received a convincing embodiment. Today it is the earliest and most fully manifested extant example in the monumental painting in Russian. The considered fresco compositions have historical (connected to historical events) and iconographic parallels with the Constantinopolitan church. The selected scenes, taken together, not only convey the information about the famous religious complex of Blachernae, but also reflect the essential characteristics of the Blachernae churches and their metaphysics in the way Blachernae were seen and understood in 1502 in Muscovy by the authors of the mural paintings of the Ferapontov Cathedral.

priimi" [The quoted text contains a detailed description of the miracle-working Vladimir Icon of the Mother of God in the Ferapontov Cathedral]. See "Opis' Ferapontova monastyrya, iyul' 1665 goda" [Inventory of the Ferapontov Monastery, July 1665]. Collection of N.I. Suvorov. F. 883 op. 1, d. 40, l. 3 ob.–4. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti [State Archive of Vologda Oblast] (GAVO), Vologda Russia.

³⁶ A.A. Turilov, "A Forgotten Work of Metropolitan Sava-Spiridon of the Lithuanian Period of his Works" [in Russian], in *Slavs and their Neighbours*, iss. 7, *Interconfessional Relations in the Countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 15th – 17th Centuries* (Moscow: Nauka, 1999), 127.

³⁷ V.I. Ul'yanovskii, "Metropolitan of Kiev Spiridon: Explicit and Hidden Narrations about Himself in the Writings of 1475–1503" [in Russian], in *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. 57, ed. O.V. Tvorogov (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006), accessed February 28, 2017, <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=xuU9RIPP4J4%3D&tabid=5957>.

Список литературы

- Айналов Д.В.* Византийская живопись XIV столетия. – Петроград: Типография Я. Башмакова и К^о, 1917. – 179 с.
- Баталов А.Л.* Строительство Московского Успенского собора и самоидентификация Руси: К истории замысла митрополита Филиппа I // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения В.Н. Лазарева (1897–1976). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 353–361.
- Бриллиантов И.И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания, 1398–1898. С приложением очерка «Патриарх Никон в заточении на Белоозере». – Санкт-Петербург: Типография А.П. Лопухина, 1898; Репринт. – Москва: Северный паломник, 2001. – 246 с.
- Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. – Москва: Наука, 1997. – 303 с.
- Воронин Н.Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. Т. I. XII столетие. – Москва: АН СССР, 1961. – 582 с.
- Высоцкий А.М.* Церковь Богоматери Влахернской в Константинополе, ее отражения на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху // Византийский временник=BYZANTINA CRONICA. – 2005. – Т. 64 (89). – С. 211–224.
- Ильин М.А.* О наименовании Десятинной церкви // Советская археология. – 1965. – № 2. – С. 266–268.
- Карабинов И.* Постная Триодь: исторический обзор ее плана, состава, редакции и славянских переводов. – Санкт-Петербург: Типография В. Смирнова, 1910. – 306 с.
- Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства / Редактор М.А. Орлова. – Москва: Северный паломник, 2005. – С. 79–107.
- Лихачев Д.С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / Ответственный редактор Э.С. Смирнова. – Москва: Наука, 1985. – С. 17–23.
- Лопарев Х.* Старое свидетельство о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году // Византийский временник=BYZANTINA CRONICA. – 1895. – Т. II. – Вып. 4. – С. 581–628.
- Малкин М.Г.* Некоторые элементы наружной росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря и их связи с интерьером // Ферапонтовский сборник. – Москва: ВНИИР. – 1985. – Вып. I. – С. 177–178.
- Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Редактор А.М. Лидов. – Москва: Индрик. 2009. – 912 с.
- Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. – Санкт-Петербург: Акрополь, 1995. – 336 с.
- Попов Г.В.* Церковь Ризоположения из села Бородава. – Москва: Северный паломник, 2006. – 64 с.
- Попов Г.В.* Московская икона 1485 года из села Бородавы (К изучению ведущего направления столичной живописи конца XV века) // Древнерусское искусство XV–XVI веков / Редактор В.Н. Сергеев. – Москва: Искусство, 1981. – С. 80–96.
- Преображенский А.А.* Положение ризы Богоматери // Иконы Владимира и Суздаля: каталог / Редактор Л.В. Нерсисян. – Москва: Северный паломник, 2008. – С. 271–273.

Силина О.В. «Дева днесь предстоит в церкви». Композиция «Покров Богородицы» в стенописи собора Ферапонтова монастыря // XXIII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой, Ярославль, 16–18 марта 2018 г. / Редактор А.С. Преображенский. – Ярославль: Ярославский художественный музей, 2019. – С. 30–40.

Силина О. Фреска «Богоматерь „Воплощение“ с архангелами» в стенописи 1502 года соборной церкви Ферапонтова монастыря // Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация. Материалы III Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2018 г. / Редактор Ю.Г. Бобров; Институт имени И.Е. Репина. – Санкт-Петербург: Чистый лист, 2019. – С. 263–269.

Смирнова Э.С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство: Балканы. Русь / Редакторы А.И. Комеч, О.Е. Этингф. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 288–310.

Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Житие Андрея Юродивого // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1880. – Т. 20. – Ч. 4. – С. 149–184.

Турилов А.А. Забытое сочинение митрополита Саввы-Спиридона литовского периода его творчества // Славяне и их соседи. Вып. 7: Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. – Москва: Наука, 1999. – С. 121–137.

Ульяновский В.И. Митрополит Киевский Спиридон: явные и скрытые повествования о себе в сочинениях 1475–1503 гг. // Труды отдела Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Т. LVII. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. – 1002 с.

Федотова М.А. Вступление к «Слово Похвальное Покрову Пресвятой Богородицы» // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898> (дата обращения – 31.08. 2017).

Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. – Москва: Индрик, 2005. – 536 с.

Этингф О.Э. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 312 с.

Cameron A. Continuity and Change in Sixth-century Byzantium. – London: Variorum Reprints, 1981. – 338 p.

Janin R. Constantinople byzantine: Développement urbain et repertoire topographique. – Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1964. – 542 p.

Janin R. La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. T. 3: Les églises et les monastères. – Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1969. – 605 p.

Zervou Tognazzi I. L'Iconografia e la «Vita» delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria // Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata. – 1986. – Vol. 40. – P. 215–287.

References

Ainalov, D.V. *Vizantiiskaya zhivopis' XIV stoletiya* [Byzantine painting of the 14th century]. Petrograd: Tipografiya Ya. Bashmakova i K^o, 1917. (In Russian)

Batalov, A.L. “Stroitel'stvo Moskovskogo Uspenskogo sobora i samoidentifikatsiya Rusi: K istorii zamysla mitropolita Filippa I” [Construction of the Moscow Assumption Cathedral and self-

identification of Russia: On the history of the intention of Metropolitan Philip I]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiya, Rus', Zapadnaya Evropa: Iskusstvo i kul'tura. Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Lazareva (1897–1976)* [Old Russian art. Byzantium, Russia, Western Europe: Art and Culture. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of V.N. Lazarev (1897–1976)], edited by L.I. Lifshits, 353–61. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002. (In Russian)

Brilliantov, I.I. *Ferapontov Belozerskii nyne uprazdnennyi monastyr', mesto zatocheniya Patriarkha Nikona. K 500-letiyu so vremeni ego osnovaniya 1398–1898. S prilozheniem ocherka "Patriarkh Nikon v zatochenii na Beloozere* [Ferapontov Belozersky Monastery, now abolished, the place of confinement of Patriarch Nikon. For the 500th anniversary of its foundation, 1398–1898. With the enclosed essay 'Patriarch Nikon in confinement in Beloozero']. St Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1898; Reprint: Moscow: Severnyi Palomnik, 2001. (In Russian)

Buseva-Davydova, I.L. *Khramy Moskovskogo Kremlya: svyatyni i drevnosti* [The Churches of the Moscow Kremlin: shrines and antiquities]. Moscow: Nauka, 1997. (In Russian)

Cameron, A. *Continuity and Change in Sixth-century Byzantium*. London: Variorum Reprints, 1981.

Etingof, O.E. *Obraz Bogomateri. Ocherki vizantiiskoi ikonografii 11–13 vekov* [The image of Our Lady. Essays on Byzantine iconography of the 11th – 13th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. (In Russian)

Fedotova, M.A. "Vstuplenie" [Introduction]. *Slovo Pokhval'noe Pokrovu Presvyatoi Bogoroditsy* [The Commendable word to the Intercession of the Most Holy Mother of God]. Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. Accessed August 31, 2017. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9898>. (In Russian)

Il'in, M.A. "O naimenovanii Desyatinnoi tserkvi" [On the name of the Church of the Tithes]. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2 (1965): 266–68. (In Russian)

Janin, R. *Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique*. Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1964.

Janin, R. *La Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin*. Vol. 1. *Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique*. Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1969.

Karabinov, I. *Postnaya Triod': istoricheskii obzor ee plana, sostava, redaktsii i slavyanskikh perevodov* [The Lenten Triodion: A historical review of its outline, composition, edition, and Slavic translations]. St Petersburg: Tipografiya V. Smirnova, 1910. (In Russian).

Lidov, A.M. "Tserkov' Bogomateri Farosskoi. Imperatorskii khram-relikvarii kak konstantinopol'skii Grob Gospoden'" [The Theotokos of the Pharos. The Imperial church-reliquary as Constantinopolitan Holy Sepulchre]. In *Vizantiiskii mir: iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nye traditsii. K 2000-letiyu khristianstva* [Byzantine world: Constantinopolitan art and national traditions. To the 2000th anniversary of Christianity], edited by M.A. Orlov, 79–107. Moscow: Severnyi Palomnik, 2005. (In Russian)

Lidov, A.M., ed. *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalems. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik, 2009. (In Russian)

Likhachev, D.S. "Gradozashchitnaya semantika Uspenskikh khramov na Rusi" [The city-protective semantics of the Assumption churches in Russia]. In *Uspenskii sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and research], edited by E.S. Smirnova, 17–23. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)

Loparev, Kh. "Staroe svidetel'stvo o Polozhenii rizy Bogoroditsy vo Vlachernakh v novom istolkovanii primenitel'no k nashestviyu russkikh na Vizantiyu v 860 godu" [The old testimony of Deposition of the Robe of our Most Holy Lady the Theotokos at Blachernae in a new interpretation

with reference to the Rus–Byzantine War in 860]. *Vizantiiskii vremennik*=*BYZANTINA XPONIKA*, vol. 2, no. 4 (1895): 581–628. (In Russian)

Malkin, M.G. “Nekotorye elementy naruzhnoi rospisi Rozhdestvenskogo sobora Ferapontova monastyrya i ikh svyazi s inter'erom” [Some elements of the exterior paintings of the Virgin Nativity Cathedral of the Ferapontov Monastery and their connection with the interior]. In *Ferapontovskii sbornik* [Ferapontov collection], issue 1, 177–78. Moscow: VNIIR, 1985. (In Russian)

Plyukhanova, M.B. *Syuzhety i simvol'y Moskovskogo tsarstva* [Stories and symbols of the Tsardom of Muscovy]. St Petersburg: Akropol', 1995. (In Russian)

Popov, G.V. “Moskovskaya ikona 1485 goda iz sela Borodavy (K izucheniyu vedushchego napravleniya stolichnoi zhivopisi kontsa 15 veka)” [The Moscow icon of 1485 from the village of Borodava (On the study of the leading trend in the metropolitan painting at the end of the 15th century)]. In *Drevnerusskoe iskusstvo XV–XVI vekov* [Old Russian art of the 15th – 16th centuries], edited by V.N. Sergeev, 80–96. Moscow: Iskusstvo, 1981. (In Russian)

Popov, G.V. *Tserkov' Rizopolozheniya iz sela Borodava* [The Church of Laying Our Lady's Holy Robe from the village of Borodava]. Moscow: Severnyi Palomnik, 2006. (In Russian).

Preobrazhenskii, A.A. “Polozhenie rizy Bogomateri” [The Deposition of the Robe of the Mother of God]. In *Ikony Vladimira i Suzdalya. Katalog* [Icons of Vladimir and Suzdal. A Catalogue], edited by L.V. Nersesyan, 271–73. Moscow: Severnyi Palomnik, 2008. (In Russian)

Shalina, I.A. *Relikvii v vostochnokhristianskoi ikonografii* [Relics in Eastern Christian iconography]. Moscow: Indrik, 2005. (In Russian)

Silina, O.V. “‘Deva dnes' predstoit v tserkvi’. Kompozitsiya ‘Pokrov Bogoroditsy’ v stenopisi sobora Ferapontova monastyrya” [‘Deva dnes' predstoit v tserkvi’. Composition ‘The Intercession of the Virgin’ in the mural painting of the Cathedral of the Ferapontov Monastery]. In *XXIII Nauchnye chteniya pamyati I.P. Bolottsevoi, Yaroslavl', 16–18 marta 2018 g.* [The 23rd Scientific Readings in Memory of I.P. Bolottseva, Yaroslavl, March 16–18, 2018], edited by A.S. Preobrazhenskii, 30–40. Yaroslavl: Yaroslavskii khudozhestvennyi muzei, 2019. (In Russian)

Silina, O.V. “Freska ‘Bogomater' „Voploshchenie“ s arkhangelami' v stenopisi 1502 goda sobornoj tserkvi Ferapontova monastyrya [The fresco ‘Our Lady of the Incarnation with the Archangels’ in the mural painting of 1502 of the Cathedral church of the Ferapontov Monastery]. In *Sokhranenie pamyatnikov izobrazitel'nogo iskusstva i kul'tury. Issledovaniya i restavratsiya. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: Sankt-Peterburg, 16–19 noyabrya 2018 g.* [Preservation of the monuments of fine arts and culture. Research and restoration: Materials of the 3rd International scientific and practical conference: St. Petersburg, November 16–19, 2018], edited by Yu.G. Bobrov, 263–69. St Petersburg: Chisty list, 2019. (In Russian)

Smirnova, E.S. “Novgorodskaya ikona ‘Bogomater' Znamenie’: nekotorye voprosy bogorodichnoi ikonografii XII v.” [The Novgorod icon ‘Our Lady of the Sign’: some issues of deiparous iconography of the 12th century]. In *Drevnerusskoe iskusstvo: Balkany. Rus'* [Old Russian art: Balkans. Russia], edited by A.I. Komech, O.E. Etingof, 288–310. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. (In Russian)

Sreznevskii, I.I. “Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh. Zhitie Andreyu Yurodivogo” [Information and notes on little-known and unknown monuments. Life of Andrew of Constantinople, the Fool-for-Christ]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 20, pt. 4 (1880): 149–84. (In Russian)

Turilov, A.A. “Zabytoe sochinenie mitropolita Savvy-Spiridona litovskogo perioda ego tvorchestva” [A forgotten work of Metropolitan Sava-Spiridon of the Lithuanian period of his works]. In *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbours], issue 7, *Mezhkonfessional'nye svyazi v stranakh Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XV–XVII vekakh* [Interconfessional

relations in the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 15th – 17th centuries], 121–37. Moscow: Nauka, 1999. (In Russian)

Ul'yanovskii, V.I. “Mitropolit Kiyevskii Spiridon: yavnye i skrytye povestvovaniya o sebe v sochineniyakh 1475–1503 gg.” [Metropolitan of Kiev Spiridon: explicit and hidden narrations about himself in the writings of 1475–1503]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 57, edited by O.V. Tvorogov, 209–33. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006. Accessed February 28, 2017. <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=xuU9RIPP4J4%3D&tabid=5957>. (In Russian)

Voronin, N.N. *Zodchestvo severo-vostochnoi Rusi XII–XV vekov* [Architecture of North-Eastern Russia of the 12th – 15th centuries]. Vol. 1. *XII stoletie* [The 12th century]. Moscow: AN SSSR, 1961. (In Russian).

Vysotskii, A.M. “Tserkov' Bogomateri Vlahernskoi v Konstantinopole, ee otrazheniya na Rusi i vizantiisko-russkie arkhitekturnye svyazi v domongol'skuyu epokhu” [The Church of the Mother of God at Blachernae in Constantinople, its reflections in Old Russia, and architecture contacts between Byzantium and Russia before the Mongol invasion]. *Vizantiiskii vremennik=BYZANTINA XPONIKA*, vol. 64 (89) (2005): 211–24. (In Russian)

Zervou Tognazzi, I. “L'Iconografia e la ‘Vita’ delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria.” *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, vol. 40 (1986): 215–87.